

имиджелогии в России. Более поздние исследования рассматривают имидж как симбиоз реальных качеств носителя и привнесенных имиджем черт, призванных усилить достоинства своего обладателя и замаскировать недостатки.

Зарубежные трактовки имиджа отличаются меньшей категоричностью. Имидж не противопоставляется реальному образу человека, а представляется как его органичное дополнение. Человек, вынужденный постоянно находиться под прицелом камер и неусыпного ока средств массовой информации, настолько сживается со своим имиджем, что уже невозможно различить, где он является самим собой, а где играет отведенную ему роль.

Особенностью политического имиджа, с нашей точки зрения, является его пограничное положение относительно вышеуказанных направлений. Также специфика политической разновидности имиджа обусловлена средой его формирования и функционирования. Будучи направленным на широкий круг «потребителей», эффективный политический имидж должен сочетать в себе манипулятивный потенциал «психологического» имиджа и привлекательность коммерческого бренда. Таким образом, политический имидж можно охарактеризовать как конструируемый на базе реальных характеристик образ, наделяющий его носителя характеристиками, отражающими

УДК 329.05(470–671)

АПОЛОГЕТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ОПЫТА РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Д. Г. Третьяков

Саратовский государственный университет
E-mail: tret4ever@mail.ru

В статье рассмотрены основные факторы, которые обусловили наличие апологетических тенденций в отечественной политической науке в отношении анализа становления российской многопартийности, основных особенностей электорального опыта российских политических партий, их функциональных характеристик.

Ключевые слова: апологетические тенденции, концептуализация электорального опыта, политические партии, электоральная функциональность партий, политические технологии.

Apologetic Tendencies Within Conceptualization of Russian Political Parties' Electoral Experience

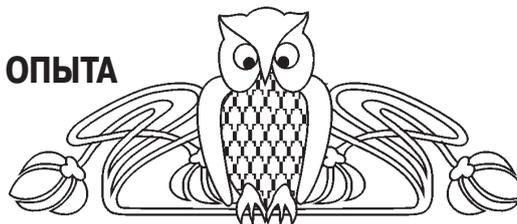
D. G. Tretyakov

This article focuses on key factors causing apologetic tendencies of the Russian political science concerning analysis of the Russian multiplicity of parties' establishment, main features of the Russian political parties' electoral experience, and their functional peculiarities.

стереотипические представления целевой аудитории об идеальном лидере (кандидате, партии), с целью завоевания и легитимного удержания политической власти.

Примечания

- ¹ См.: Платон. Диалоги. М.: Эксмо, 2009. С. 514.
- ² См.: Mitchell W. J. T. *Iconology: Image, Text, Ideology*. Chicago: University of Chicago Press, 1986. P. 165.
- ³ См.: Blackett T. *What is a brand? // Brands and branding*. N.Y., 2009. P. 13.
- ⁴ См.: Damasio A. *The Feeling of What Happens: Body, Emotion and the Making of Consciousness*. L.: William Heinemann, 2000. P. 318–319.
- ⁵ Ibid. P. 9.
- ⁶ См.: Mitchell W. J. T. *Op. cit.* P. 10.
- ⁷ См.: Вилков А. А., Казаков А. А. Политические технологии формирования имиджей России и США (на материалах «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» 2007–2008 гг.). Saarbrücken: Verlag LAP LAMBERT, 2011. С. 48.
- ⁸ См.: Трошина Н. В. Фактор имиджа в российском электоральном процессе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2001.
- ⁹ Феклюнина В. С. Политический имидж России в американской прессе 2000–2004 гг.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2005.

Key words: apologetic tendencies, conceptualization of electoral experience, political parties, electoral functionality of parties, political technologies.

Исследование политических партий в российской политологии вообще и их электоральной функциональности в частности подвержено достаточно сильному апологетическому влиянию различных методологических и мировоззренческих подходов. На наш взгляд, большинство вопросов, связанных с апологетическими тенденциями в концептуализации электорального опыта российских политических партий, связаны с проблемой эквивалентности понятий в общественных науках. Речь идет о ситуации, при которой один и тот же термин, одна и та же категория используется для обозначения объектов, имеющих различную сущность в условиях конкретных политических систем.

Показательным примером в этом плане может служить партийная тематика. Известный российский исследователь многопартийности А. Н. Кулик эту проблему сформулировал следующим образом: «... всегда ли наблюдаемые схожие факты, относящиеся к жизнедеятельности партий, означают то же самое в обществах, значительно отличающихся по своей политической культуре? Применительно к отечественной партологии эта проблема конкретизируется следующим образом: станут ли работать модели партии, созданные в реалиях стабильных западных демократий, будучи перенесены на почву российской политической культуры, сформированной ее историческим имперским и недавним тоталитарно-коммунистическим прошлым?»¹. Вопрос был сформулирован в начальный период формирования многопартийности в постсоветской России, но, как представляется, не утратил своей актуальности и по сегодняшний день.

Становление отечественной школы партологии и формирование у нее собственной методологии без преувеличения можно назвать драматичным. Связано это с рядом политико-исторических обстоятельств. Дореволюционные политические исследования в России вполне вписывались в общемировой контекст, по крайней мере, в части партийной проблематики. Работы А. И. Стронина, Б. Н. Чичерина, М. Я. Острогорского вполне корреспондировались с зарубежным опытом². Уникальная школа изучения партий была создана в марксистской традиции. Методологическая и идеологическая конкуренция с либеральными трактовками позволяли теоретически совершенствоваться и сторонникам, и противникам марксизма. Однако эта, на наш взгляд, позитивная соревновательность прекратила свое существование с утверждением марксизма как единственно верного политического учения.

Советская обществоведческая наука, находившаяся в жестких тисках марксизма, имела свой собственный взгляд на все явления и процессы, в том числе и на партии. Это было обусловлено и объективными причинами: Коммунистическая партия Советского Союза не имела ничего общего с западными партиями, а потому, естественно, не могла быть проанализирована с помощью зарубежных подходов и концепций. Как пишут в своем масштабном исследовании отечественного обществознания В. М. Долгов и Г. Н. Долгова, «государство и КПСС использовали их (общественные науки. – Д. Т.) как средство общественно-политического образования, просвещения и воспитания населения, как инструмент идеологической работы внутри страны и борьбы с зарубежными оппонентами»³. Аналогичной позиции придерживается и другой авторитетный российский политолог, один из основных аналитиков процесса становления политической науки в России Я. А. Пляйс: «... общественные науки виделись партийному руководству как идеологические

служанки партии, не имеющие права не то что критиковать или отвергать, но даже ставить под сомнение истинность марксизма-ленинизма»⁴.

За годы советской власти методологический разрыв в отечественных и зарубежных политических исследованиях постоянно увеличивался. Это привело к тому, что после крушения советской системы, либерализации обществоведения, появления самостоятельной политической науки не нашлось адекватных отечественных принципов исследования новых политических институтов. Поэтому вполне понятным и закономерным выглядит признание в начале – середине 1990-х гг. западной либеральной методологии как эталонной. Как верно, на наш взгляд, замечает В. М. Юрьев: «В горячие перестроечные годы казалось достаточно усвоить испытанные мировой наукой инструменты познания политики, и она будет познана, достаточно проявить западный политический опыт, и он приживется»⁵. И лишь нарастание несоответствия между стремлением дать более-менее качественное объяснение происходящим событиям и невозможностью это сделать с помощью имеющегося инструментария заставило отказаться от апологетического взгляда на западные институты как эталон⁶.

Процесс освоения немарксистской методологии исследования политических партий в 1990-е гг. предполагал изучение трудов ведущих ученых прошлого и настоящего. Появилось большое количество публикаций, в которых авторы заново открывали для себя и своих читателей М. Я. Острогорского, Р. Михельса, М. Вебера, М. Дюверже и других классиков политической мысли⁷. Активно изучалось творчество нового поколения зарубежных исследователей: О. Кирхаймера, К. фон Бойме, А. Каца, П. Маира, А. Панебянко, Р. Роуза, Я. Макалестера, К. Джанды и др. Можно сказать, что в ряде случаев к подходам этих политологов относились излишне ревностно, требуя от них точного ответа на российские вопросы и разочаровываясь, когда вопросы оставались без ответов⁸. В этом отношении следует признать правоту Я. А. Пляйса, который заметил, что теоретические аспекты современного российского партийного строительства анализируются недостаточно. Особенно это касается особенностей и отличия партий в России от других переходных стран⁹.

Достаточно фундаментальная монография «Феномен многопартийности в российском обществе»¹⁰, ставшая результатом работы коллектива авторов, открывается разделом «Формирование теории политических партий». В нем дается обстоятельный и качественный анализ становления различных партологических концепций. Уделено внимание работам многочисленных зарубежных ученых. Отечественные авторы также упоминаются. Однако речь идет о той или иной степени их критичности в освоении западных концепций, более или менее успешном приложении ими методов

западных ученых к российским реалиям. В целом теория политических партий представляется как продукт развития либеральной политической мысли. Отход от этой традиции сделан лишь при упоминании марксистского взгляда на партии. По нашему мнению, такая картина не свидетельствует о невнимании к каким-либо фундаментальным отечественным теориям, а отражает вполне объективную ситуацию их отсутствия.

Схожую картину рисует в своей работе «Проблема создания теории политических партий: история, современное состояние, перспективы» О. И. Каринцев. Анализируя различные исторические этапы становления теории в партологии, автор выделяет институциональный (1902–1951 гг.), бихевиоральный (1951–1967 гг.), постбихевиоральный (после 1967 г.) периоды. Подобная периодизация связана с выходом в свет основных работ зарубежных, прежде всего американских политологов. О каких-либо иных точках зрения, альтернативных концепциях не упоминается вообще, а «вклад российских ученых В. Я. Гельмана, Г. В. Голосова, Ю. Г. Коргунюка, А. Н. Кулика, В. П. Любина, Е. Ю. Мелешкиной и др. способствует адаптации традиционных концепций к новым теоретико-методологическим и практическим условиям»¹¹. Как видим, им отведена достаточно скромная роль адаптаторов и приспособлявателей. Вероятно, такое положение дел вполне объяснимо и обусловлено историческими перипетиями политологии в России. Большое количество работ, в которых подробно рассматривается эволюция представлений о партиях, по нашему мнению, преодолевали своего рода «комплекс неполноценности» отечественной политологии. При этом особой новизны и значительных отличий от более ранних данные рассуждения не имели, они выполняли скорее «ритуальную» функцию, которая состояла в том, чтобы доказать читателю квалификацию автора, то, что он знаком с западной, «эталонной» теорией политических партий.

Отечественные партийные исследования оказались «привязанными» к западным методологическим «эталонам» практически по всем направлениям. Анализируя состояние российской партологии на рубеже 1990–2000-х гг., М. В. Данилов отмечал, что наиболее сильной была зависимость отечественных ученых от ряда теоретических схем. К ним можно отнести системный, структурно-функциональный, сравнительный подходы¹². В целом, достаточно отчетливо выделяются две традиции западной науки, активно воспроизводимые нашими соотечественниками.

Согласно первой традиции партии представляются фундаментальным политическим институтом демократического общества. В ее рамках предпринимаются попытки дать максимально полную характеристику различных аспектов их деятельности с точки зрения функционирования всей политической системы. В рамках второй традиции акцентируется внимание на отдельных,

наиболее значимых аспектах партийной функциональности, прежде всего электоральной.

Российские ученые в равной степени оказались в силу естественных причин зависимыми и от первой, и от второй традиций. При этом в основной массе работ российских политологов партийная функциональность оценивается достаточно нормативистки, а иногда и догматически. Под этим мы понимаем следующее. Политолог, анализируя деятельность партий, исходит из сложившегося у него, главным образом под влиянием западной литературы, идеального, нормативного образа партий. Он представляет себе партию не такой, какая она есть, а такой, какая она должна или могла бы быть. После этого следует естественная и понятная критика партий за их дисфункциональность, неспособность исполнить предписанные им задачи.

Начало первому подходу положено фундаментальной работой М. Дюверже «Политические партии». В ней рассматривался чрезвычайно широкий круг вопросов, который касался и происхождения партий, и их организационного строения, и других аспектов партийной жизни. М. Дюверже уделил внимание не только партиям, существовавшим в условиях политической конкуренции, но и ведущим свою работу в ситуации политической монополии¹³.

Другой пример одного из самых масштабных исследований политических партий в мировой партологии связан с работой К. Джанды и его коллег. К. Джанда поставил задачу проверить основные концептуальные предположения о феномене партии на огромном эмпирическом материале, охватывающем образование и жизнедеятельность 158 партий, представляющих 10 культурно-географических регионов мира, на временном промежутке 1950–1978 гг.¹⁴ Другим вариантом широкого определения партии является подход Д. Лаполамбары и М. Вейнера, изложенный ими в книге «Политические партии и политическое развитие». Они выделили ряд признаков партии: стремление овладеть властью; наличие претензий на роль выразителя интересов широких масс; обладание четкой организационной структурой¹⁵. Мы не ставим перед собой задачи анализа данных работ (это уже многократно сделано нашими предшественниками), принципиальное значение имеет сам подход, при котором партии рассматриваются как фундаментальный институт политической системы, имеющий множество измерений и характеристик.

Эти характеристики чаще всего проявляют себя в совокупности тех функций, которые должны партиями выполняться, чтобы считаться таковыми, и методологическое влияние западных «широких» определений прослеживается как раз в приписывании российским политическим партиям определенных функций, заимствованных из западных концепций. При этом априорно предполагается, что партии выполняют фундаментальную

демократизаторскую роль. Так, В. Е. Федоринов в своей докторской диссертации выдвинул положение о ключевой роли политических партий, системы многопартийности в процессе становления и развития политического плюрализма, их возможности существенным образом повлиять на ход общественно-политического развития, состояние политической и социальной стабильности¹⁶. На наш взгляд, несколько преувеличенной выглядит заявленная роль партий как некоей независимой переменной, определяющей развитие всего политического режима. Представляется, что скорее сами партии являются производными от конкретных состояний политической системы.

Наиболее ярко апологетическое следование западным «эталонам» проявилось на примере исследования функций артикуляции и агрегации социальных интересов, а также политического представительства и рекрутирования правящей элиты. Так, бывший председатель Государственной думы Б. В. Грызлов в своей диссертации констатировал, что «российские политические партии слабы и неэффективны, партийная система фрагментирована, и партии, в целом, не справляются с ролью «посредника» между обществом и политической властью и не способны пока преодолеть их взаимного отчуждения»¹⁷. Воспроизведение исходной презумпции, согласно которой партии – это обязательный институт-медиатор в демократической политической системе, является прямым следствием неразработанности отечественных концепций и попыткой постоянно «сверять часы» с зарубежными авторитетами.

К сожалению, достаточно часто такая «сверка часов» приводила не к активизации поиска причин неадекватности теории относительно практики, а к неутешительному выводу о полной дисфункциональности российской партийной системы: наши партии не справлялись с агрегацией и артикуляцией социальных интересов, были неэффективны в осуществлении политического представительства, партии плохо формировали коллективные ценности и цели социума, участие партий в рекрутировании элит оставалось на неудовлетворительном уровне.

В целом анализ опыта исследования постсоветской многопартийности позволяет сделать вывод о наличии определенной динамики в этом процессе. Начав в конце 1980-х – начале 1990-х гг. с радикального отказа от марксистского понимания партий, новая российская политическая наука оказалась в ситуации, когда в срочном порядке нужно было наверстывать «упущенное», интегрироваться в мировое политологическое сообщество.

Первым и главным условием для этого было освоение признанных на Западе политологических теорий, в том числе касающихся партийной функциональности. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно изучить практически любой учебник по политологии, изданный в 1990-х – начале 2000-х гг. В разделах, посвященных по-

литическим партиям, приводилось указание на то, что они являются важнейшими институтами представительной демократии и призваны артикулировать и агрегировать общественные интересы, способствовать рекрутированию политической элиты, заботиться о формировании политического курса общества.

Очевидно, что отечественный ни досоветский, ни советский, ни постсоветский опыт подобных выводов сделать не позволял. Имело место прямое заимствование зарубежных подходов. По нашему мнению, можно говорить, что до 2000-х гг. мы находились в ситуации «методологического романтизма». Но с укреплением российской государственности зарубежные «эталоны» стали явно нерелевантными, потребовалась замена на что-то более «почвенное». Но формирование собственных оригинальных подходов оказалось процессом трудным и достаточно медленным. В результате в настоящее время все еще сохраняется теоретический разрыв, при котором зарубежные «эталоны» уже не в состоянии объяснить природу российской многопартийности, а собственные разработки пока не достигли необходимого уровня теоретической и практической апробации.

Здесь, как нам представляется, мы можем выйти на более общую проблему соотношения универсального и национального в отечественной политологии. Достаточно метафорически вопрос соотношения публичных и теневого сторон политического процесса в обществах с устойчивой демократией и находящихся в состоянии перехода представлен в статье В. Я. Гельмана¹⁸. По его мнению, современная постсоветская политика дает немало примеров замещения формальных институтов неформальными. В частности, «там, где политические партии неспособны осуществлять политическую взаимосвязь элит и масс, их функции выполняют основанные на массовом клиентелизме «политические машины»»¹⁹.

Отсюда вытекает основная, как она видится нам, дилемма отечественной политической науки. Первая позиция состоит в том, что российская политология должна основываться на достижениях мировой науки и ее развитие возможно только в условиях международной теоретико-методологической интеграции. Другая точка зрения исходит из того, что следование в зарубежном «кильватере» только заводит нашу политологию в тупик, так как не позволяет качественно объяснить политический процесс в России на основе заимствований, адекватных для абсолютно иной социально-культурной среды.

Следствиями апологетики первой позиции являются оторванность науки от жизни и потеря ею практической актуальности, превращение в политическую схоластику. Абсолютизация второго подхода может привести к изоляционизму отечественной политологии. По нашему мнению, в настоящее время имеют место и первая, и вторая проблемы. Часть научных исследований,

хорошо корреспондирующихся с зарубежными теоретико-методологическими «эталоном», выглядят оторванными от реальности, не имеющими никакой практической значимости. Другая часть, напротив, остро актуальна, но не имеет шансов в силу отсутствия теоретической разработанности подходов быть интегрированной в мировую политическую науку. Исследования партий несут на себе отпечаток и первой, и второй проблем. Выход, как нам кажется, может быть найден в продолжении критического переосмысления, адаптации, приспособления хорошо зарекомендовавших себя мировых теорий к нашим условиям. Нельзя допустить крайностей: уйти от реалий или заново «изобрести велосипед».

Примечания

- 1 Кулик А. Посттоталитарные партии в политическом процессе : методология исследования // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 2. С. 30.
- 2 А. И. Стронин писал: «Выражением политических инстинктов служат политические партии. Элементарных, неразложимых более общественных инстинктов только два; отсюда и две коренные партии: прогрессисты и регрессисты» (Стронин А. И. Политика // Антология мировой политической мысли : в 5 т. / рук. проекта Г. Ю. Семигин. Политическая мысль в России. Вторая половина XIX–XX вв. М., 1997. Т. IV. С. 119.). Б. Н. Чичерин отмечал, что «партии возникают на почве общественного мнения. Необходимость дисциплины и организации для совокупного действия превращает неустроенную массу свободных и случайных мыслей в более или менее крепкие и прочные силы, способные быть политическими деятелями. При организованных партиях есть возможность рассчитывать, действовать, направлять разрозненные стремления к общей цели» (Чичерин Б. Н. О народном представительстве // Чичерин Б. Н. Вопросы политики. М., 1904. С. 78.). М. Я. Острогорский связывал само возникновение политических партий с расширением избирательного права (См.: Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М., 1997. С. 81–90.).
- 3 Долгов В. М., Долгова Г. Н. Полтора века российского общественнознания (середина XIX – начало XXI века). Саратов, 2011. С. 165.
- 4 Пляйс Я. А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009. С. 24.
- 5 Юрьев В. М. Политические партии современной России : к характеристике дискурса // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2004. № 2. С. 18.
- 6 О. Ю. Малинова, например, продемонстрировала это несоответствие на достаточно частном, но ярком примере партийных идеологий : «В России формирование партий подчиняется другой, внешней логике, обгоняя процессы социального структурирования. Предлагаемые российскими партиями программы не справляются с идеологической функцией и институционализацией общественных конфликтов. Идеологические конструкции, обладающие, казалось бы, достаточным мобилизационным потенциалом, не преобразуются в реальные ориентации тех или иных групп. На смену идеологии пришли политтехнологии. На смену идеологам – политтехнологи. Идеология лишена значения главного орудия политической мобилизации и превратилась в бесполезный антураж. Партийные программы пишутся и уточняются “специалистами”, работающими на заказ» (Малинова О. Ю. Партийные идеологии в России // Полис. 2001. № 5. С. 104–105).
- 7 См., например: Степанюк С. И. Концепция политической партии в теоретическом наследии М. Я. Острогорского : автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2003.
- 8 Так, например, С. А. Попов писал, что «постмодернистская теория картельных партий Р. Каца и П. Маира имеет ряд существенных недостатков. Важнейшим из них является упрощение современного партийно-политического ландшафта» (Попов С. А. Партии в современном политическом процессе : тенденции и потенциал развития (сравнительный анализ) : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. С. 7).
- 9 См.: Пляйс Я. А. Партии и партийные системы в современной России (Обзор диссертаций современных российских политологов) // Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии : сб. материалов российско-германского круглого стола. М. ; Ростов н/Д., 2004. С. 45.
- 10 См.: Феномен многопартийности в российском обществе / под общ. ред. проф. В. М. Долгова. Саратов, 2006.
- 11 Каринцев О. И. Проблема создания теории политической партии : история, современное состояние, перспективы // Политическая социология. М., 2008. С. 62–63.
- 12 См.: Данилов М. В. Партии в политическом пространстве современной России : дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2003.
- 13 См.: Дюверже М. Политические партии. М., 2000.
- 14 См.: Janda K. Political Parties : A Cross-National Survey. N.Y., 1980 ; Джанда К. Сравнение политических партий : исследования и теория // Современная сравнительная политология : хрестоматия. М., 1997.
- 15 См.: Джанда К. Указ. соч. С. 4.
- 16 См.: Федоринов В. Е. Политические партии в России в условиях становления и развития плюрализма : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2002. С. 12–13.
- 17 Грызлов Б. В. Политические партии и российские трансформации : теория и политическая практика : автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2001. С. 4.
- 18 См.: Гельман В. Я. «Столкновение с айсбергом» : формирование концептов в изучении российской политики // Полис. 2001. № 6. С. 6–18.
- 19 Там же. С. 13.